

Пыхтина Ю.Г., Коробейникова А.А.
Оренбургский государственный университет
E-mail: pyhtina-2008@mail.ru ; SSSR2004@yandex.ru

ЛЕКСИЧЕСКАЯ ЭКСПЛИКАЦИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА В ТВОРЧЕСТВЕ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА

В статье предлагается анализ одной из наиболее продуктивных пространственных моделей в художественном тексте – психологического пространства на материале произведений М.Ю. Лермонтова. Дается определение психологического пространства; демонстрируются основные маркеры психологических процессов (памяти, восприятия, мышления и т.п.), эксплицирующих мировосприятие поэта как в ранний, так и в поздний периоды его творчества.

Ключевые слова: художественное пространство, психологическое пространство, лексическая экспликация, внутренний мир, М.Ю. Лермонтов.

Творчеству М.Ю. Лермонтова посвящены сотни исследований, в которых рассмотрены, казалось бы, все возможные грани художественного мира великого классика. В то же время современные подходы к анализу художественных текстов дают возможность сделать новые акценты в толковании хорошо знакомых произведений поэта, увидеть незамеченные ранее особенности его индивидуально-авторского мировидения. Одним из таких подходов, является, на наш взгляд, структурно-семантический анализ психологического пространства, который, как мы полагаем, может стать своеобразным ключом к пониманию и адекватному толкованию «внутренней вселенной» как самого автора, так и его героев.

В отечественном литературоведении существуют разные толкования понятия «психологическое пространство». Во-первых, его употребляют в значении, синонимичном традиционному понятию «психологизм», т. е. как изображение мыслей, чувств, желаний, стремлений и т. п., это «традиционные обозначения того, что испытывает герой», «развернутые аналитические характеристики» душевных переживаний персонажа» [8, с. 213]. Во-вторых, как «внутренний мир субъекта, отраженный в тексте художественного произведения, локализаторами которого обычно выступают номинации органов чувств: сердце, душа, глаза и т. п.» [1, с. 97]. В-третьих, как собственно пространство, «вместительство, моделируемое по тем же законам, по которым создаются другие пространственные образы» [7, с. 490].

Наибольший интерес представляют вторая и третья точки зрения, поскольку произведения

М.Ю. Лермонтова в данных аспектах еще не рассматривались.

Наше исследование выполнено по академическому Полному собранию сочинений в пяти томах. В анализ включаются произведения раннего (1828–1835 гг.) и зрелого (1836–1841 гг.) периодов творчества поэта.

Исследуя разные типы и виды художественного пространства в литературе, мы заметили, что в некоторых произведениях внутренний мир героев эксплицируется категориями, организующими пространство, например: ...И, как уголь по рисунку, / Грянул ливень всем плетнем, // Стал мигать обвал сознания: / Вот, казалось, озарятся / Даже те углы рассудка, / Где теперь светло, как днем! [6, с. 154]. Является ли подобное изображение случайным или здесь действуют общие законы концептуализации действительности, когда сообщения о микромире моделируются по типу сообщений о макромире? Чтобы ответить на этот вопрос, мы обратились к работам психологов и, как оказалось, не напрасно. В новейших психологических исследованиях, действительно, звучит мысль о том, что внутренний мир человека имеет пространственную структуру и обладает всеми свойствами истинного пространства: протяженностью, глубиной и т. п. [2].

Академик В.Д. Шадриков, изучая основные психические процессы (память, восприятие, мышление, воображение), пишет о них как о пространственно-подобных, разворачивающихся одновременно на двух уровнях – сознательном и бессознательном [9, с. 20]. Л.М. Веккер в работе «Психика и реальность. Единая те-

ория психических процессов» говорит не только о пространственности мышления и восприятия, но также о пространственности эмоций, речи и сознания [3].

Опираясь на результаты исследования В.Д. Шадрикова «Мир внутренней жизни» [9] и Т.Н. Березиной «Пространственно-временные особенности внутреннего мира личности» [2], мы будем рассматривать структуру психологического пространства как совокупность целого ряда элементов, представленных в художественном тексте в виде ментальных, эмоциональных, зрительных, слуховых, осязательных образов, а также физиологических ощущений, как бы растворенных в замкнутом у субъекта континууме.

Проанализируем выделенные структурные элементы в конкретных произведениях М.Ю. Лермонтова.

Ментальное пространство эксплицируется лексемами мозг, мысль, ум, разум и т. п.:

Простая песня то была,
Но в мысль она мне залегла,
И мне, лишь сумрак настает,
Незримый дух ее поет.
(«Мцыри», 1839)

<...> И этот дикий бред
Преследовал мой разум много лет.
(«Сказка для детей», 1840)

Пространство мысли, создаваемое Лермонтовым посредством метафоры, представляется вместилищем, где формируются и живут идеи, представления, образы, мечты. Мысль в изображении поэта не только объемна, но также способна к действию, откликается на внешнее воздействие, и это становится возможным благодаря глаголам с семантикой движения:

<...> И стала мысль горячая летать
Над бледною головкой и туманный,
Воздушный рой видений навевать.

Но мысль ее он возмучил
Мечтой пророческой и странной.
(«Демон», 1829–1839)

Подобный прием позволяет автору подчеркнуть значимость «работы мысли», характеризующей, с одной стороны, интеллектуальные поиски героев, а с другой, различные оттенки их психологического состояния. Динамика мыслительной деятельности и характер ее движения становятся явственными, ощутимыми.

В «Русской мелодии» М.Ю. Лермонтов, противопоставляя богатый внутренний мир свободного «певца простого» миру праздной толпы, не способной понять и почувствовать прелесть народной песни, моделирует ментальное пространство творческой личности как принципиально иное, отличное от обывательского:

В уме своем я создал мир иной
И образов иных существованье;
Я цепью их связал между собой,
Я дал им вид, но не дал им названья...
(«Русская мелодия», 1829)

Маркерами эмоционального пространства в лирике М.Ю. Лермонтова являются, по нашим наблюдениям, душа и сердце, которые также моделируются посредством пространственных характеристик:

К чему ищу так славы я?
Известно, в славе нет блаженства,
Но хочет все душа моя
Во всем дойти до совершенства,
Пронзая будущего мрак,
Она, бессильная, страдает
И в настоящем все не так,
Как ей хотелось бы, встречает.
(«Слава», 1830)

Поднимая в стихотворении традиционную для поэзии тему посмертной литературной славы, М.Ю. Лермонтов говорит о непреодолимой внутренней потребности выразить себя в творчестве. Желание «во всем дойти до совершенства» и неудовлетворенность от непонимания современниками выражается в образе бессильной и страдающей души, надеющейся на признание в будущем. Лирическое «Я» сужается до пространства души, которое наделяется способностью хотеть, страдать, «пронзать будущего мрак».

Пейзаж души уже в раннем стихотворении «Поток» (1830–1831) создается поэтом путем психологической интериоризации внешних пространственных деталей. Лермонтов изображает внутренний мир лирического героя как некую реальность, имеющую пространственные координаты и живущую по законам внешнего мира:

Источник страсти есть во мне
Великий и чудесный;
Песок серебряный на дне,
Поверхность лик небесный;
Но беспрестанно быстрый ток
Воротит и крутит песок,
И небо над водами
Одего облаками
(«Поток», 1830–1831).

Представление внутреннего мира в виде предметных живописно-поэтических образов позволяет поэту наделить особой феноменологической значимостью объекты мира внешнего.

Одним из способов ассоциативно-образного изображения психологических переживаний становится сравнение души с образами природы:

В душе моей, как в океане.
Надежд разбитых груз лежит.
Кто может, океан угрюмый,
Твои изведать тайны? <...>
(«Нет, я не Байрон, я другой...», 1832)

Подобное сравнение позволяет острее почувствовать личную трагедию поэта, душа которого «отягощена сознанием невысказанности своих высоких и тайных дум» [4], масштабность надежд, которым не суждено реализоваться.

Интересно с точки зрения пространственной организации стихотворение «Как часто, пестрою толпою окружен...». Лирический герой мысленно переносится в далекое прошлое, выстраивая в памяти целую цепочку реальных зрительных образов: барский дом, теплицу, пруд, темную аллею... Воспоминания в художественном мире М.Ю. Лермонтова обладают своим бытием, своей энергией. Соединение высвеченных памятью обыденных деталей с глубиной переживаний лирического героя в настоящем

придают пространству воспоминаний идиллические, и даже сакральные черты. Причем кажется парадоксальным тот факт, что реальное пространство описывается призрачным, видимым «как будто бы сквозь сон», а воображаемое подлинным:

И если как-нибудь на миг удастся мне
Забыться, – памятью к недавней старине
Лечу я вольной, вольной птицей;
И вижу я себя ребенком; и кругом
Родные всё места: высокий барский дом
И сад с разрушенной теплицей;
Зеленой сетью трав подернут спящий пруд,
А за прудом село дымится – и встают
Вдали туманы над полями.
В аллею темную вхожу я; сквозь кусты
Глядит вечерний луч, и желтые листья
Шумят под робкими шагами.
(«Как часто, пестрою толпою окружен...», 1840)

Как мы отметили выше, структурными компонентами психологического пространства помимо ментальных и эмоциональных образов, являются образы зрительные, слуховые и осязательные.

Известно, что глаза – ворота души: взгляд может выражать физическое, эмоциональное состояние, личностные качества, характер взаимоотношений мужчины и женщины. Сенсорные ощущения лермонтовского лирического героя изображают некую иллюзорную реальность, имеющую четкие пространственные координаты, являющиеся продуктом авторского сознания, работающего с внутренними чувственными импульсами. Глубину и широту высшего чувства – любви – двадцатипятилетний Лермонтов вербализует следующим образом:

И мрак очей был так глубок,
Так полон тайнами любви,
Что думы пылкие мои
Смутились.
(«Мцыри», 1839)

Благодаря единству когнитивного и оценочного компонентов психологическое пространство лирического героя зримо предстает читателю:

Не привлекай меня красотой!
Мой дух погас и состарелся.
Ах! много лет как взгляд другой
В уме моем напечатлелся!...
Я для него забыл весь мир,
Для сей минуты незабвенной...
(«Не привлекай меня красотой!..», 1936)

Чтобы понять, как лирические герои «себя нашли один в другом, И душа сдружилась с душою», поэт организует для читателя визуально-аудиальное движение, и вместе с голосом возлюбленной мы проникаем в душу героя и, словно, ощущаем те же светлые чувства:

Слышу ли голос твой
Звонкий и ласковый,
Как птичка в клетке,
Сердце запрыгает;
Встречу ль глаза твои
Лазурно-глубокие,
Душа им навстречу
Из груди просится,
И как-то весело,
И хочется плакать,
И так на шею бы
Тебе я кинулся.
(«Слышу ли голос твой...», 1836)

Происходящее во вне – щебетанье нежной подруги, прямой взгляд любимых лазурно-глубоких глаз – буквально приводит в движение сердечную мышцу, и внутреннее чувство веселья и нахлынувшей нежности рвётся навстречу, тронув душу, безудержно просится наружу.

Разные звуки внешнего мира формируют созвучную модальность психологического пространства лирического героя:

Что за звуки! неподвижен внемлю
Сладким звукам я;
Забываю вечность, небо, землю,
Самого себя.
Всемогущий! что за звуки! жадно
Сердце ловит их,

Как в пустыне путник безотрадной
Каплю вод живых!
И в душе опять они рождают
Сны веселых лет...
(«Звуки», 1836)

За то, что редко в душу входит
Живых речей твоих струя,
За то, что в заблужденьи бродит
Мой ум далеко от тебя...
(«Молитва», 1836)

Автору удивительным образом удаётся продемонстрировать чёткое разграничение «наружного», показного и искреннего внутреннего чувства в ответ на тактильное прикосновение:

Когда касаются холодных рук моих
С небрежной смелостью
красавиц городских
Давно бестрепетные руки, —
Наружно погружась в их блеск и суету,
Ласкаю я в душе старинную мечту
(«Как часто, пёстрою толпою окружен...», 1836)

Подобная лексическая экспликация чувственного мировосприятия, несомненно, способствует усилению эмоционального воздействия на читателя.

Таким образом, диахронический взгляд на поэзию М.Ю. Лермонтова показывает, что и в раннем, и в зрелом творчестве автора наблюдается явный перенос акцентов с изображения внешнего мира на изображение внутреннего, что позволяет рассматривать Я поэта как локус: Я предстаёт в художественном тексте как внутренний мир, пространство сознания и души.

«Внутренняя вселенная» благодаря лексической экспликации чувственного мировосприятия представляется вместилищем, включающим душу, сердце, рассудок, память и т. п. Основными средствами изображения подобного пространства являются метафора и сравнение.

Психологическое пространство у М.Ю. Лермонтова – некий макрокосм, структурными составляющими которого становятся зрительные,

слуховые и осязательные образы, при помощи которых поэт характеризует максимально «уплотнившуюся» духовную жизнь.

15.10.2014

Список литературы:

1. Бабенко, Л. Г. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика [Текст] / Л. Г. Бабенко, Ю. В. Казарин. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 496 с.
2. Березина, Т. Н. Пространственно-временные особенности внутреннего мира личности [Текст]: автореф. дис. ... доктора психол. наук: 19.00.01 / Березина Татьяна Николаевна. – М., 2003. – 38 с.
3. Веккер, Л. М. Психика и реальность. Единая теория психических процессов [Текст] / Л. М. Веккер. – М.: Смысл, 1998. – 685 с.
4. Коровин, В. И. «Нет, я не Байрон, я другой...» [Электронный ресурс] / В. И. Коровин // Лермонтовская энциклопедия / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). – М.: Сов. Энцикл., 1981. – 746 с. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/lermenc/1re-abc/0.htm?cmd=0>
5. Лермонтов, М. Ю. Полное собрание сочинений: В 5 т. Т. 1: Стихо-творения, 1828–1835; Т. 2: Стихотворения, 1836–1841; Т. 3: Поэмы и повести в стихах [Текст] / М. Ю. Лермонтов. – М.; Л.: Academia, 1935–1937.
6. Пастернак, Б. Л. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 1 [Текст] / Б. Л. Пастернак – М.: Худож. лит., 1989.
7. Пыхтина, Ю. Г. Структура психологического пространства в лирике Б. Пастернака [Текст] / Ю. Г. Пыхтина // Фундаментальные исследования. – 2013. – № 8 (ч. 2). – С. 490–495.
8. Хализев, В. Е. Теория литературы [Текст] / В. Е. Хализев. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Высшая школа, 2002. – 437 с.
9. Шадриков, В. Д. Мир внутренней жизни человека [Текст] / В. Д. Шадриков. – М.: Университетская книга. Логос, 2006. – 392 с.

Сведения об авторах:

Пыхтина Юлиана Григорьевна, доцент кафедры русской филологии и методики преподавания русского языка Оренбургского государственного университета, кандидат педагогических наук

460018, г. Оренбург, пр-т Победы, 13, тел. (3532) 372436, ауд. 1106, e-mail: pyhtina-2008@mail.ru

Коробейникова Анна Александровна, доцент кафедры русской филологии и методики преподавания русского языка Оренбургского государственного университета, кандидат филологических наук

460018, г. Оренбург, пр-т Победы, 13, тел. (3532) 372436, ауд. 1106, e-mail: SSSR2004@yandex.ru